

С Т А Т Ь И

КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

СТРАНЫ ВОСТОКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ПОИСКИ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ

© 2011

А.П. КОЛОНТАЕВ

Достигнутый экономический прогресс значительной группы развивающихся стран, ставший очевидным за последние годы, не только изменил их положение в современном мире, но и стал новым фактором в развитии мировой хозяйственной системы. Это находит свое подтверждение в тех изменениях, которые произошли как в экономической и социальной сфере этих стран, так и в их отношении к мировому хозяйству, равно как и в новой роли в мировой политике. Правда, данное обстоятельство все же нельзя относить ко всему ареалу развивающегося мира, – растущее значение развивающихся стран следует оценивать с учетом их дифференциации. В этом отношении особое положение среди них занимают ведущие страны Востока – Индия, Китай, а также страны Юго-Восточной Азии, – которые в большей степени и демонстрируют возрастание этой роли в настоящее время. Если в середине XX в. так называемый третий мир, несмотря на различия между теми или иными государствами, рассматривался как конгломерат стран периферии мирового хозяйства, в той или иной мере однородный по своей отсталости и интересам, то следующий век провел уже между ними резкое разграничение по уровню их развития. В этом смысле наступивший XXI век может быть с известным основанием назван ныне “веком Азии” (хотя он был назван так еще в конце минувшего века). Таким образом, когда мы говорим о новых процессах в странах уходящего “третьего мира”, то имеем в виду прежде всего ведущие страны Востока как свидетельство и воплощение этих процессов.

Ключевые слова: периферия и центры мирового хозяйства, ведущие страны Востока, вестернизация, глобализация, современная экономическая наука и развитие.

Существующая группировка развивающихся стран, разработанная на основе обобщенных показателей их экономического роста экономическими и статистическими службами ООН, достаточно известна. Если говорить о некоторых общих показателях, то в настоящее время сложилась некая ступенчатая структура, в которой широким ее основанием служат ведущие, наиболее развитые страны Азии, в которых проживает большинство населения развивающегося мира. Как известно, к началу XXI в. примерно 60% населения Земли обитало в Азии. При этом в Индии, Китае и странах Юго-Восточной Азии проживало абсолютное большинство населения азиатского региона. Для сравнения скажем, что доля Африки в численности населения мира к тому времени составляла 12%, Латинской Америки – 8.6%. Если говорить о тех же общих показателях последнего времени, то, по данным ЮНКТАД, численность населения Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии на 2010 год, составит (по прогнозам) 56.4% от численности населения всех развивающихся стран и почти 80% от численности населения стран Азии.

Не меньшее значение имеет и заметное усиление их экономического положения. Доля ВВП данной группы стран составляет по тем же данным 62.5% от суммарного ВВП стран азиатского региона. Однако между ними существуют и очевидные различия.

В суммарном валовом продукте Индии, Китая и стран Юго-Восточной Азии доля Китая составляет 55.5%, Индии – 23.7% и стран Юго-Восточной Азии – 20.8%. Помимо этого темпы развития их экономик за прошедшие годы также были беспрецедентно высокими. Только за период 1970–2008 гг. ВВП Индии увеличилось в 7.2 раза, стран Юго-Восточной Азии за тот же период – в 8.6 раза, Китая – в 12 раз. По последним данным экономических и статистических служб ООН, среднегодовые темпы роста валового продукта стран Восточной Азии (без Китая) за период 2000–2008 гг. составили 7.4%, Китая – 10%. За тот же период среднегодовые темпы роста ВВП в странах Южной Азии (без Индии) были равны 5.3%, и Индии – 7.2% соответственно. Особенно отчетливо усиление экономического положения ведущей группы стран видно также в сравнении с темпами роста развитых стран. Достаточно сказать, что если в 1970 г. ВВП Индии, Китая и стран Юго-Восточной Азии в сумме составлял 10% от ВВП Европейского Союза, то на 2008 г. он составил уже 40% [United Nations..., 2010, Table A3; UNCTAD 2009..., 2009, Table 8.1, 8.3, 8.4.1]. Далее общая структура развивающегося мира через категорию среднеразвитых (в том числе нефтедобывающих, экспортоориентированных) стран переходит в группу наименее развитых или беднейших стран. По отношению ко всем развивающимся странам наименее развитые страны составляют ныне уже небольшую часть всего их населения, или немногим более 17%.

Приведенные данные о беспрецедентных темпах роста ведущих стран Востока не означают, что все или многие проблемы их экономического и социального развития решены. Не говоря уже о группе беднейших стран, в самих ведущих странах далеко не решена одна из наиболее острых проблем жизни населения – проблема бедности. За чертой бедности продолжает существовать значительное число жителей тех же стран Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии. При этом все еще сохраняются многие социальные, религиозные, этнические противоречия, которые не позволяют говорить о преодолении всех барьеров на пути их экономического и социального прогресса. Тем не менее пройденный путь, несомненно, позволяет им подняться на новый уровень развития и открывает для этих стран новые перспективы. Экономически и уже технологически они входят в группу мировых государств, которые обладают развитыми ИКТ, а в Индии и Китае создан и успешно функционирует атомно-промышленный и космический комплексы.

Не удивительно, что наряду с этим становится все более актуальным и теоретическое осмысление происходящих процессов, ибо вместе с прежним уровнем отсталости ушли, или уходят в прошлое и многие теории, посвященные проблемам стран “третьего мира”. Ныне можно перечислить едва ли не более десяти имен различных авторов, которые в разное время обращались к этой теме. Достаточно назвать имена Г. Мюрдаля, У.А. Льюиса, да и многих других, работы которых были в свое время в центре внимания исследователей старшего поколения. Вместе с тем эти теории отличала одна общая черта, которая делает их по меньшей мере устаревшими для использования в исследовательской работе в наши дни: подобные теории создавались лишь для развивающихся стран, в известном смысле, как отдельном, самостоятельном объекте исследования, имеющем свои исключительные особенности и отсюда свои отдельные задачи развития.

В современный период любые попытки теоретического осмысления происходящих процессов в ведущей группе развивающихся стран теперь уже невозможны без включения проблем их собственного развития в общий контекст современной эволюции мирового хозяйства. И это относится ныне не только к ведущим странам Востока. Свидетельством тому может служить, например, образование группы стран “двадцатки”, которая (наряду с существующей “восьмеркой”) становится необходимым институтом для рассмотрения проблем мирового развития. Уже своим рождением она наглядно демонстрирует повышение роли этих стран в современном мире и говорит о происходящих изменениях в мировом хозяйстве. Понятно отсюда происходит и сни-

жение актуальности теоретических работ, посвященных развивающимся странам, выполненных в системе прежних представлений. Их новая роль в мировом хозяйстве требует рассмотрения любых из возникающих в них проблем в рамках общей модели мирового развития.

Если мы обратимся к некоторому набору современных теорий, вернее, к поиску теоретических схем современного развития, то обнаружим, что развивающиеся страны в настоящее время, будучи фактически частью общего процесса происходящих изменений, неотделимы от подобного поиска. Они так или иначе входят в их общий анализ через создаваемые теоретические модели информационного, постиндустриального общества, через концепции глобализации, наконец, через теорию “столкновения цивилизаций”. Причем ведущая группа развивающихся стран выступает в этих процессах если не определяющей, то вполне равноправной и необходимой их стороной.

При этом, какими бы ни были эти конструкции, речь в них может идти не о непосредственном перенесении всей социальной и институциональной организации современных западных обществ на почву развивающихся стран, а скорее о возможной адаптации существующих в них условий к развитию новых мировых процессов, которая затронет эволюцию их общественных систем. Наряду с этим происходящие изменения не исчерпываются лишь одним воздействием центров мирового хозяйства на развивающиеся страны. У них есть возможность общественной эволюции на основе собственной системы ценностей и сложившихся в них общественных институтов. Говорить о соотношении того и другого процесса, по сути, еще рано. Пока же можно отметить лишь некоторые, хотя и существенные, линии развития и определенные тенденции изменений в этой области. Прежде всего уже в наши дни становится все более очевидным, что весомую лепту в саму возможность изменения вносят ныне и сами развивающиеся страны. Примером подобной линии взаимодействия, которая на наших глазах продолжает углубляться и расширяться, могут служить те же процессы глобализации.

Если в рассмотрении современных теоретических схем отвлечься на время от теории “столкновения цивилизаций”, то, например, в процессах глобализации недостаточно, на наш взгляд, подчеркивается весьма важная ее сторона. На самом деле, современный уровень процессов глобализации был бы невозможен без того прогресса, который был достигнут ведущими странами “третьего мира” за последние десятилетия, в том числе, без овладения этими странами всей суммы современных технологий, включая информационные. И здесь мы уже так или иначе касаемся известной дискуссии, или тезиса о том, возможна ли в развивающихся странах модернизация без вестернизации. Сейчас можно сказать лишь то, что общий процесс глобализации во многом обязан прежде всего тому технологическому и экономическому прогрессу, которого достигли ведущие страны теперь уже уходящего “третьего мира” за последние десятилетия. Более того, на наш взгляд, сам процесс развития стран “третьего мира” ныне стал едва ли не главным фактором глобализации. Понятно, что именно включение их новых модернизируемых экономик в организацию современного производства, в растущий процесс его интернационализации, в функционирование глобальных по своему охвату финансовых институтов, в общемировую информационную инфраструктуру и т.д., на самом деле было своеобразной движущей силой расширения процессов глобализации, и одним из ее необходимых условий.

Это во многом объясняет и возникновение всей суммы известной проблематики по поводу “столкновения цивилизаций”, ибо сама глобализация приводит к объективной необходимости более тесного, чем когда-либо ранее, взаимодействия и взаимозависимости различных мировых культурно-исторических социумов. На самом деле цивилизационная проблематика и проблемы глобализации соединены самым содержанием возникающих в связи с этим проблем. Иными словами, если ранее те или иные изменения начинались и реализовывались главным образом в центрах мирового капи-

талистического хозяйства, являвшихся, по существу, и центрами европейской цивилизации, то ныне процессы той же глобализации разворачиваются на различной цивилизационной основе. При этом ранее отсталые цивилизационные общности получают во многом современную промышленно-технологическую основу для своего развития и вследствие этого те или иные особенности цивилизационной организации различных обществ приобретают при взаимодействии с мировым сообществом новый вес и новое звучание. Нам представляется, что, поскольку одной из важных основ современного процесса глобализации выступает сам фактор современного прогресса развивающихся стран, иная, более активная и позитивная роль этих стран в процессах глобализации еще ждет своего исследования.

Однако теоретическое осмысление происходящих процессов встречает известные трудности. Теоретических решений для происходящих глубоких изменений, по сути, нет и для развитых обществ. Например, если обратиться к попыткам зарубежной литературы теоретически осмыслить происходящие ныне процессы в самих центрах мирового хозяйства, то мы столкнемся прежде всего с теоретической неопределенностью в этой области, которая довольно часто отмечается и в литературе. В наши дни теоретическая мысль здесь еще занята поисками определения постиндустриального, информационного общества, не говоря уже о дискуссиях по поводу столкновении цивилизаций и т.д. И даже в этом случае речь идет не о раскрытии их сущностных характеристик, а главным образом о перечислении различных признаков, с тех или иных сторон характеризующих новые явления в их общественной жизни. Тем не менее важность и необходимость подобных поисков сохраняет свою актуальность. А поскольку становится все более очевидным, что, по крайней мере, ведущие страны “третьего мира”, и прежде всего ведущие страны Востока становятся интегральной частью возникающих новых мировых процессов, то в этом случае особое значение приобретает вопрос, насколько новые определения происходящих изменений могут быть распространены за пределы центров мирового хозяйства и применимы к развивающимся странам, прежде всего к группе ведущих стран.

Дело еще и в том, что подобная незавершенность новых теорий, если соотнести их с общепринятыми теоретическими положениями функционирования капиталистической системы, не отвечает на главный вопрос: является ли идущая трансформация свидетельством наступления качественно иного этапа в эволюции общества, как это было, например, при становлении капитализма, либо это новые факторы функционирования прежней системы, не меняющие ее сути? В связи с этим по-прежнему теоретический интерес сохраняют попытки вскрыть сущностные характеристики новых общемировых явлений.

Однако как ни важны эти обстоятельства, они представляют собой лишь часть более общей картины современных проблем мирового развития и попыток их анализа. Не исключено, что в результате этих поисков возникнет какое-либо, отличное от существующих, новое определение того общества, которое формируется в процессе происходящих изменений. Каково будет место и роль стран бывшего “третьего мира” в этих изменениях, и в их восприятии видимо покажет не столь отдаленное будущее. В исторической перспективе речь идет о том, останутся ли развивающиеся страны лишь в орбите центров мирового хозяйства с сохранением прежних основ своей общественной организации, либо они также должны будут претерпеть серьезную трансформацию своей экономической жизни и социально-экономической структуры.

Вместе с тем причина своеобразного отставания в теоретической работе в этой области лежит не только в новизне, хотя и достаточно относительной, самой проблематики. Новые процессы и глубокие изменения, которые носят не столько узко экономический, сколько общественный характер затрагивают и сферу их научных исследований. Речь идет о методологических проблемах, в данном случае уже мировой экономической науки, которые нередко становятся предметом оживленных дискуссий. В целом

в начавшихся поисках ее новых оснований возникает необходимость включения в экономический анализ новых факторов развития экономических систем, ранее не находивших своего адекватного отражения в экономических исследованиях. Другими словами, речь идет о весьма серьезном изменении ранее существовавшего традиционного инструментария, что для всей сферы научных исследований при изучении происходящих экономических процессов будет иметь, и уже имеет, весьма значительные последствия. Ныне это уже приводит к постановке вопроса об изменении самого содержания экономического анализа и построения экономических теорий. Рамки работы не позволяют остановиться на этих проблемах сколько-нибудь подробно. Мы можем отметить лишь некоторые из них, тем более что проблемы нового, более интегрированного и многостороннего анализа так же актуальны и для исследования процессов, происходящих ныне в развивающихся странах.

В настоящее время в литературе, посвященной этим проблемам, происходит определенная инвентаризация существовавших ранее и существующих сейчас экономических теорий. Авторы подобных обзоров приходят к выводу, что ни одна из них в полной мере не отвечает изменившимся условиям. Причем это относится как к исследованию отдельных обществ, так и проблем общемирового развития. Собственно говоря, непреодоленная незавершенность, или неполнота определений в создаваемых теоретических построениях по-своему отражают неспособность прежних теоретических схем охватить и описать всю сумму факторов и весь комплекс условий, определяющих ныне эволюцию общественных систем.

Одной из причин этого положения, хотя и не единственной, является дезинтеграция научных общественных дисциплин. Если судить по некоторым публикациям в литературе, их интеграция на основе новой системы базовых предпосылок и базовых представлений (так называемой новой парадигмы) становится все более актуальной проблемой, требующей своего решения. Ныне же стремление определить ту или иную экономическую, вернее – социально-экономическую, модель, разворачивающуюся на эмпирическом уровне в развивающихся странах, наталкиваются на устарелость, неадекватность методологических оснований, которые существуют в экономической науке, да и можно сказать в общественных науках в целом. (Как отмечалось выше, эти проблемы ныне не решены еще и по отношению к развитым западным обществам.) Однако в данном случае речь идет не только о преодолении известной узости и неполноты чисто экономических теорий. Ставится вопрос о своеобразном возвращении к политэкономии или к более обобщенному политэкономическому подходу в исследовании современных проблем.

Некоторые авторы в России в связи с этим призывают создать “новую политэкономия”, которая могла бы включить в себя интегрированное исследование всех проблем современного развития общественных систем. По их мнению, ни экономическая наука в ее нынешнем состоянии ни отдельные научные общественные дисциплины не в состоянии выполнить эту задачу. Однако здесь возникают и определенные трудности. На наш взгляд, прямое и непосредственное противопоставление современных экономических теорий и традиционной политэкономии в основе своей некорректно и на этом пути вряд ли удастся решить проблему. Очевидно, что как та, так и другая научные школы были, по существу, отражением известных исторических условий и соответствовали как существовавшему в то время этапу развития капиталистической экономики и капиталистического общества, так и своему этапу развития собственно экономической науки, равно как и общественных наук в целом.

Традиционная, или классическая, политэкономия зародилась и развивалась в то время, когда происходило еще собственно становление капитализма как системы хозяйства и капиталистического общества как системы новых общественных отношений. В этот период само содержание новых явлений, которое заключалось в изменении прежнего общественного строя, требовало от экономических исследований выявления и опреде-

ления сущности происходящих перемен, которые носили не только чисто экономический, но и общественный характер. Речь в тот период шла не столько о функционировании экономики, но вместе с тем и о закономерностях развития самого общества.

Происшедшая затем известная маржиналистская революция и развитие маржиналистского направления при всей его разветвленности и специализации, решало уже конкретные, частные задачи, которые ставило перед ним функционирование состоявшегося зрелого капиталистического хозяйства. По тому же пути, по сути, шло и развитие других зарубежных экономических школ. Поэтому при противопоставлении классической политэкономии более поздним экономическим теориям становится очевидным, что как тот, так и другой подходы исторически решали различные задачи. Вместе с тем нельзя не видеть и объективных причин постановки вопроса о новой политэкономии. В настоящее время попытки возвращения к более интегрированному политэкономическому анализу объясняются во многом теми же обстоятельствами, которые в свое время вызвали развитие классической политэкономии. Проблемы определения сущности глубоких изменений возникают перед общественными науками и ныне.

Таким образом, можно сказать, что в нынешних экономических условиях возникает необходимость реинтеграции различных общественных дисциплин, объективно дезинтегрированных ранее процессом их специализации. Однако это достаточно специальная тема, здесь можно лишь сказать, что необходимость изменения традиционной методологии современной экономической науки сохраняет свое значение и по сей день, и это во многом сказывается на возможности интегрированного анализа современных процессов. При этом сложность ситуации заключается и в том, что эта интеграция не может быть механической, т.е. как соединение результатов анализа тех подходов, которые существуют в различных научных школах и научных дисциплинах, — она должна произойти действительно на новых основаниях экономической науки.

Ныне все большее внимание в попытках более интегрированного экономического анализа уделяется функционированию всей гуманитарной сферы и даже более широкому, цивилизационному аспекту человеческих отношений. В частности все большее значение приобретают такие понятия, как социальный капитал, человеческий капитал, все большую роль играет оценка эффективности функционирования различных общественных и государственных институтов. Но даже если оставаться в системе прежних представлений, в рамках которых основное значение придавалось развитию и функционированию производительных сил общества, то и здесь мы обнаружим не менее важные изменения. Очевидно, что как бы ни менялись подходы к основам экономического анализа, это обстоятельство будет сохранять свое значение и впредь.

В этом отношении в современный период произошла качественная трансформация в функционировании производительных сил общества. В самой общей форме она связана с проникновением производственной деятельности человека в микроструктуру материи. На наш взгляд, происшедший переход во многом и определяет сущностные характеристики постиндустриального общества. Проникновение человека в микроструктуру материи началось, как известно, гораздо раньше, однако производственно-техническое овладение структурой микромира приходится на вторую половину XX в., и именно этот процесс получил в свое время название научно-технической революции (достаточно забытой в наши дни). На самом деле век атома, век электроники, век полимеров, а также век био- и нанотехнологии, — все это свидетельства подобного перехода. Все остальные его характеристики в этом отношении вторичны, в том числе и феномен информационного общества. По степени своего воздействия на общественную эволюцию это сравнимо, по-видимому, с промышленным переворотом конца XVIII — начала XIX в.

Основным результатом названного перехода стало постепенное изменение структуры производительных сил, при этом происходившие изменения затронули и информацию, придав ей новое значение. Общий информационный поток на самом деле оказался строго структурирован, и с точки зрения эволюции общественного производства

основное место в этом потоке в наше время занимает научная информация. Здесь фундаментальный характер происходящих изменений наиболее очевиден. Научные исследования уже опережают процесс производства и становятся его необходимым условием. Конечно, это не исчерпывает всей роли информации в жизни современного общества, тем не менее здесь мы видим одно из важнейших ее проявлений.

И если говорить в этом отношении о новой политэкономии, несмотря на то, что это может быть еще достаточно преждевременным и носить характер общих замечаний, тем не менее это должна быть политэкономия, которая учитывает происходящий переход общественного производства на атомно-молекулярный уровень вещества, проникновение в микроструктуру материи. Это во многом изменяет прежние основания политэкономических процессов, например, изменяется функция труда, основное значение которого переносится в иную сферу человеческой деятельности, непосредственно не связанную с прежними видами материального производства, при этом изменяются источники образования капитала и прибыли, сама информация может стать капиталом и т.д. В этом самом предварительном перечислении нет, понятно, содержания самой новой политэкономии, а лишь стремление каким-то образом поставить и сформулировать саму проблему. Тем более что происходящие изменения, какими бы кардинальными они ни казались, не отменяют необходимости функционирования существующих промышленных структур. Напротив, идущий переход базируется на прежней основе индустриального производства. Просто он постепенно занимает новый удельный вес и принимает новое значение. И известная неопределенность в теоретическом осмыслении новых процессов определяется во многом этим обстоятельством. При еще не установившейся иной роли как прежних, так и новых факторов развития возникает известное смешение как тех, так и других закономерностей, определяющих функционирование каждого из них в новых условиях общественного производства.

Очевидно, развитие новых технологий будет происходить и в развивающихся странах. Будут происходить изменения и в структуре их производительных сил. Однако при общей неопределенности новых теоретических подходов к оценке подобных изменений, говорить об общественной значимости этих процессов для развивающихся стран пока, на наш взгляд, можно лишь в рамках дискуссии, – возможна ли в этих странах модернизация без вестернизации. Правда, здесь самостоятельное значение приобретает проблема, что понимать под вестернизацией. Уже пример Японии ставит этот вопрос.

Вместе с тем обращение к новым теоретическим моделям не должно рассматриваться как какая-то кризисная неотложная задача, а их отсутствие как препятствие для развивающихся стран, которые исчерпали существующие возможности своего развития. В данном случае мы можем говорить только о достаточно широком историческом процессе, в ходе которого лишь складываются те или иные условия их дальнейшей эволюции. Речь идет о некотором кризисе теоретического осмысления новых процессов, а не о кризисе развития. Кроме того, в сложившейся ситуации следует подчеркнуть весьма важное, на наш взгляд, обстоятельство. При всем критическом отношении к существующим экономическим моделям и экономическим теориям необходимо избегать очевидных крайностей их отрицания. Особенно это относится к ситуации в развивающихся странах. В этом отношении следует саму проблему поставить в некую систему координат, тем более что многие аспекты их современного развития, которые рожают те или иные проблемы, требуют вполне традиционных форм и методов их решения.

Дело в том, что стремление к формулированию новых теорий представляет собой некий высший интеграционный уровень теоретического осмысления происходящих изменений и касается главным образом поисков закономерностей не столько экономического, сколько, как отмечалось выше, общественного развития. Для этих теорий главным является их общественное содержание или общественно-экономический контекст, ибо речь в них идет, в конечном счете, о возможных новых закономерностях развития общества. Но для многих развивающихся стран сохраняется и чисто экономи-

ческое содержание пока еще не решенных их собственных проблем. В большей мере это относится к тем развивающимся государствам, которые не входят в отмеченную выше группу ведущих стран.

Поэтому само содержание теоретических моделей, применительно к развивающимся странам объективно дифференцируется, как собственно дифференцируются и сами развивающиеся страны. Отсюда здесь, может быть, в большей мере, чем в развитых странах, продолжает сохранять свое значение использование теоретических схем как бы второго уровня, т.е. теперь уже чисто экономических теорий, подвергающихся ныне критике с точки зрения задач новой теории. Однако значение их во многом сохраняется для многих развивающихся стран и поныне, так как они были ориентированы на выполнение текущих и среднесрочных проблем экономического развития многих стран, главной из которых продолжает оставаться задача преодоления их экономической отсталости, или в наши дни экономического отставания от центров мирового капиталистического хозяйства. В этом смысле экономические модели, которые ранее использовались ведущими странами, были связаны, как известно, с проблемами накопления, перестройкой отсталой структуры хозяйства, а также с решением проблем индустриализации. Их можно отнести во многом к недавней экономической истории, хотя они продолжают иметь известное значение и для современного периода, а их более подробный разбор сохраняет свою актуальность и представляет свой научный интерес. Иными словами, недавний опыт ныне ведущих государств “третьего мира”, по использованию моделей прошедшего периода не теряет своей практической актуальности и может представлять определенное значение для той группы стран, которые не входят в группу ведущих и которым еще предстоит решить те проблемы, которые для ныне ведущих стран в основном решены.

Если обратиться к этому (условно) второму уровню используемых теорий, то в данном отношении в регионе сложились, как известно, две модели экономического строительства ведущих стран Востока: первую из них представляет модель, которая ориентирована на развитие внутреннего спроса или модель эндогенного развития, и ко второй модели можно отнести модель, которая направлена на использование внешних источников, и экспортных возможностей экономического роста. Представительницей первой модели, как известно, является Индия и второй – страны Юго-Восточной Азии и Китай. В данном случае мы принимаем во внимание лишь экономическое содержание каждой из них и абстрагируемся от других факторов, таких как характер существующего в этих странах общественного строя, политической организации общества и т.д., хотя эти факторы имеют свое значение в проведении программ экономического развития каждой из стран региона. Подробный анализ их роли в выполнении программ экономического возрождения представляет собой самостоятельную тему и не является задачей настоящей работы.

Однако даже при обращении к прежним моделям мы можем наблюдать известное стремление переосмыслить ранее существовавшие экономические представления. Это видно на материалах международных экономических служб ООН, которые так или иначе вырабатывают основные направления политики по отношению к развивающимся странам и прежде всего к группе наименее развитых стран. При этом сама трактовка прошедшего опыта приобретает такое преломление, которое непосредственно затрагивает уже характер функционирования самого капитализма как системы хозяйства. Речь в ряде выступлений теперь идет о принципиальном изменении роли государства в современной рыночной экономике. Другими словами, концептуальные проблемы, вызванные новыми вызовами времени, ныне поднимаются и на уровне международных институтов, осуществляющих политику по отношению к развивающимся странам.

Так, в докладе ЮНКТАД по наименее развитым странам подчеркивается, что в них существует не только потребность в глубоких институциональных изменениях, но и необходимость в утверждении иной роли государства в процессах экономиче-

ского развития этих стран. “Первоначально, в 1980-х гг., – отмечается в докладе, – институциональные реформы были ориентированы на минимизацию роли государства и его освобождение от функций вмешательства. Но с 1990-х гг. начали в какой-то мере признавать несовершенство рыночного механизма, а также необходимость построения государств, которые способны со знанием дела поддерживать рынки”. И еще одно замечание в связи с этим представляется достаточно важным. «Правительства, – сказано в том же докладе, – не стоят перед жестким выбором между добром и злом, “пороком” государственного дирижизма и “добродетелью” рынков, приватизации и дерегулирования. Это искаженная картина. Институты “государства” и “рынка” всегда органично сосуществовали друг с другом в любой рыночной экономике; следовательно, “выбор” между рынком и государством является ложной дихотомией. Это было признано, как минимум, со времен Адама Смита, хотя такие представления затухали в последующих интерпретациях». При этом в изменении, или в корректировке этих взглядов не происходит вместе с тем отказа от управления, осуществляемого на основе демократических принципов. В этом же докладе подчеркивается: “Одним из основных типов институтов, на внедрение которых нацелены программы реформ для обеспечения благотворного управления, является выборная демократия” [*Государство и управление процессом развития...*, 2009, с. 9, 12]. Нетрудно заметить, что эти рекомендации во многом перекликаются с опытом экономического строительства в Индии, где экономическая модель так называемой смешанной экономики и роль государственного планирования во многом оправдали себя, главным образом в первые десятилетия ее экономического развития.

При существовании различных вариантов исторического опыта отсталых стран, которые пытались преодолеть свою отсталость, пример Индии важен еще в одном отношении. Он позволяет решать экономические и социальные проблемы в тех условиях, когда в экономической и социальной жизни страны длительное время существуют и функционируют два слабо взаимосвязанных между собой сектора, – современный и традиционный. Дело в том, что возникновение дуализма, или дуальной экономики, представляет собой явление присущее не только одной Индии. Оно в той или иной степени характерно для многих развивающихся стран и преодоление подобного дуализма на самом деле и представляет одну из важных задач их экономического развития и общественной эволюции в целом. Этот дуализм не преодолен до конца и в самой Индии, тем более важен прошедший опыт и сам путь ее развития в этих условиях. Речь идет о выработке своеобразного механизма сбалансированного развития, который не приводит к росту социальной напряженности в обществе и к необходимости использования жестких мер во внутренней политике, которые становятся неизбежными для обеспечения ускоренного проведения реформ, мобилизации необходимых накоплений и т.д. Все это позволило в процессе развития избежать многочисленных жертв и глубоких социальных потрясений, связанных с функционированием так называемой мобилизационной экономики.

Это оказалось возможным потому, что экономический рост в Индии происходил не за счет подчинения и использования ресурсов многочисленной периферии традиционных форм хозяйства деревни, что могло привести лишь к их разложению и гибели. Напротив, рост современных форм производства шел вместе с развитием аграрной сферы, – вспомним “зеленую революцию”, которая, вопреки многим негативным пропагандистским оценкам, свойственным нашей литературе того времени, была на самом деле фактором, во многом позволившим смягчить продовольственную ситуацию в стране и развить крестьянское хозяйство, увеличив его эффективность, производительность и т.д.

Стало уже давно общепринятым мнение о том, что индустриализация в стране, которая стремится преодолеть свою промышленную и экономическую отсталость, возможна лишь за счет деревни, фактически за счет той же эксплуатации крестьянства.

В этом отношении значение примера Индии заключается в том, что индустриализация в отсталой стране возможна без тех огромных издержек и социальных потрясений, которые, например, пережили СССР, а впоследствии Китай. Безусловно, роль государства в развитии отсталой экономики нельзя отрицать. Однако эта роль не так однозначна, как это зачастую интерпретируют авторы экономических концепций, рассматривающих эту роль как отрицание рыночных механизмов функционирования экономики. Вместе с тем даже без отрицания этих механизмов, политика, направленная на их подчинение, ведет лишь к их искажению и отсюда к неизбежной деформации всего процесса развития. Пример Индии убедительно доказывает, что даже с использованием роли государства можно избежать этих опасностей. Помимо этого индийский опыт говорит и о том, что ограниченность средств, особенно в первоначальный период развития, не является сколько-нибудь весомым аргументом и неизбежным следствием обращения к жесткому невозмещаемому использованию ресурсов деревни. За этим стоят главным образом не столько экономические, сколько идеологические причины, когда попытки ускорить общественный прогресс подчиняются идеологическим догматам.

И наконец, с тем чтобы завершить тему поисков новых теорий, нельзя не обратиться к отечественному востоковедению, в котором, наряду с общими вопросами, отмеченными выше, существуют и свои самостоятельные проблемы. Основные из них связаны с марксистским теоретическим наследием. По аналогии с известной работой “Марксизм и вопросы языкознания” впору писать работу “Постмарксизм и вопросы востоковедения”. Задача, по-видимому, не по силам какому-либо одному автору. Если говорить лишь о ряде аспектов проблемы, то актуальность пересмотра ранее существовавших представлений в этой области вызывается и тем, что современный уровень развития многих стран “третьего мира” был достигнут вопреки существовавшим марксистским концепциям, обращенным к бывшим колониальным странам и отсталым обществам. Марксистские схемы развития стран “третьего мира” не смогли ни предсказать, ни объяснить достигнутый ныне прогресс развивающихся стран по многим позициям экономического роста. В основе их представлений лежал известный принцип отрицания самого капитализма как общественно-экономической формации, способной лишь усугубить, а не решить какие бы то ни было проблемы общественного развития этих стран.

Современные процессы в эволюционирующей мировой хозяйственной системе и в центрах мирового сообщества приносят новые факторы в функционирование общественных систем, создают новые условия для развивающихся стран. Как бы то ни было, идущие уже не одно десятилетие глубокие изменения в мировой экономике и для развивающихся стран объективно выступают как некий новый этап в их развитии, либо в возможности подобного развития. В этом отношении бытовавшие дискуссии по поводу возможности капиталистической трансформации этих стран, которые были тесно связаны с проблемами генезиса и развития капитализма на Востоке, – одна из вечных тем востоковедения, во многом утрачивают свою актуальность, и в повестку дня встает вопрос, что приносят или могут принести странам Востока идущие ныне изменения в мире. Причем такие изменения, которые могли бы быть сформулированы в их общественно-экономическом, контексте.

Между тем, как представляется, с тем чтобы выйти на тот уровень исследования, который требуют происшедшие изменения, необходимо прежде всего переосмыслить, а в ряде случаев и отказаться от тех методологических и теоретических основ анализа общественных процессов в развивающихся странах, которые длительное время определяли характер и содержание многих востоковедных исследований. В российском востоковедении в этой важнейшей области существовал некий период неопределенности, который отражал и известное различие мнений: стремление одних идти к поиску новых объяснений происходящих процессов, что требовало и изменения существовавшей ранее идеологии востоковедных работ и желание других оставаться в пределах

прежней “социалистической ориентации”. Очевидно, что существование подобного периода было в какой-то степени неизбежно, вполне объяснимо, но оно не должно было, на наш взгляд, останавливать само движение к поиску иных оснований научного анализа. Пока же следует признать, что в отечественном востоковедении наступила некая вечная мерзлота, которая не позволяет решить в открытом общественном обсуждении многие вопросы сущностной переоценки догматов того учения, которое доказало свою историческую несостоятельность. Однако это не повод для отказа от поиска новых подходов. Работа по переоценке существовавших в востоковедении взглядов на развитие общественных процессов в странах Востока должна быть продолжена, ибо без этого невозможно, на наш взгляд, сколько-нибудь серьезно заниматься современными проблемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государство и управление процессом развития. Обзор, подготовленный Генеральным секретарем ЮНКТАД, ООН. 2009.

United Nations. Development Policy and Analysis Division. Developing Economies: Rates of Growth of Real GDP, 2000–2010.

UNCTAD 2009. Handbook of Statistics. 2009.